

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б52

Heather Burch
IN THE LIGHT OF THE GARDEN

Copyright © 2017 by Heather Burch

This edition is made possible under a license arrangement originating
with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis
Literary Agency

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Светланы Селифоновой*

Художественное оформление *Анастасии Ивановой*

Берч, Хизер.
Б52 Сад надежды / Хизер Берч ; [перевод с английского
С. Селифоновой]. — Москва : Эксмо, 2019. —
384 с.

ISBN 978-5-04-104221-9

Чарити Бакстер наследует дом с пышным тропическим садом на острове у берегов Флориды. Она не была там двадцать лет, проведя всю юность в Нью-Йорке.

Гончарное искусство и пришедший в запустение сад — вот ее увлечения. С детства ей тяжело общаться с людьми.

Далтон Рейнольдс, ландшафтный архитектор, помогает Чарити с обустройством сада.

Но сможет ли он помочь ей решить психологические проблемы?

Или семейные тайны, опутавшие старинный дом, утянут их обоих на самое дно?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-104221-9

© Селифонова С., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

*Айзеку, моему любимому
художнику, моему герою паркура
и моему сыну. Все твои таланты
достойны восхищения. Быть
твоей мамой честь для меня.*

Глава 1

БАКСТЕР-ХАУС

В детстве Чарити Бакстер верила в фей и эльфов, а еще в то, что при помощи магии вызывают единорогов и делают сахарную вату. Для нее остров Газовых фонарей был полон магии и уступал разве что Стране чудес, куда Алису завел Белый кролик. Ведь на острове жили ее дедушка Джордж и бабушка Мэрилин, а в их огромном доме были высоченные своды и уютные комнатки, удобные кровати и теплый томатный суп, а самое лучшее — дедушкин гончарный круг.

Чарити видела магию каждое лето, когда отправлялась на остров Газовых фонарей, что у флоридского побережья Мексиканского залива. Они с мамой садились в водное такси, и Чарити, дрожа от восторга, пробиралась в переднюю часть длинной плоской лодки и подходила к борту. Лодка сама по себе была чудом, ведь она перевозила людей, грузы и даже несколько автомобилей. Чарити всегда считала дни до каникул, собирала и вновь разбирала чемодан и каждый вечер на закате вычеркивала день в секретном календарике.

В тот год все началось как обычно. Разве что Чарити исполнилось одиннадцать, то есть за долгие

месяцы разлуки с бабушкой и дедом она стала почти взрослой. Вот они удивятся-то!

— Чарити Монро Бакстер! — Резкий мамин голос заставил ее встрепенуться. Как всегда! Однажды она станет совсем взрослой и, услышав этот окрик, больше не дернется и не прикусит язык от испуга. — Не упирайся ногами в борт, глупая девчонка! Я не для того тебе новые босоножки покупала!

А вот и не новые, подумала Чарити, и ты их не покупала, их твой бойфренд Кендрик *нашел*. Во всяком случае, такую версию он преподнес. Как раз после того, как мама пожаловалась, что им предстоит *ужасная* поездка на этот *мерзкий* островок. Мама никогда не гостила у бабушки с дедом. Иногда соглашалась пообедать, да и то без конца крутила запястьем, глядя на часы — не пропустить бы последний паром. Ночевать ни разу не оставалась. И до сих пор не поняла, какое это чудо — остров. Наверное, не все могут видеть магию; Чарити видела ее повсюду.

Не желая огорчить маму, она чуть отступила от борта, однако вместо ожидаемой похвалы получила в ответ лишь мгновенную полуулыбку — и все, мама развернулась на каблуках, бормоча что-то о проклятом ветре и своей прическе.

Чарити прикусила губу. Она догадывалась, что разочаровывает маму. Теперь она почти взрослая и понимает такие вещи. Дедушка часто говорил про маму «вертихвостка», а бабушка добавляла, что дочери хватит вести себя как тинейджер, сама уже мать. Поэтому мама и не оставалась на острове с ночевкой. Они начинали ссориться, а Чарити оказывалась между двух огней.

Иногда мама говорила Кендрику, что остров для нее слишком мал. Мечты у мамы были большие и на таком ничтожном клочке земли просто не помещались. Может быть, их уносили волны или легкий бриз.

Чарити крепче вцепилась в борт. И зачем волнам и бризу мамины мечты? Незачем. Это она начала понимать некоторое время назад, когда смотрела мыльные оперы и ела разогретые в тостере бисквиты. А догадывалась ли мама, что ее жизнь и есть мыльная опера? Бабушка говорила, у мамы от актерского таланта вечно одни убытки. Ну, этого Чарити не знала. Зато она помогала готовить обед и наводить порядок, потому что маму слишком напрягали хозяйственные дела. А вот Чарити с работой по дому справлялась хорошо. Правда, на этом ее достижения и заканчивались. Она прилежно училась, но не отличалась яркой внешностью, не была заводилой и не добивалась успехов в спорте. Хотя читать любила, часто после нескольких глав забрасывала книгу и больше ее не открывала.

А еще она умела готовить спагетти и гамбургеры, печь блинчики и варить яйца пашот, так чтобы желток получался мягким, а белок наполовину сваренным. Любила взять бутылочку «Уиндекса» и до блеска намыывать окна, пока стекло в лучах солнца не начнет переливаться всеми цветами радуги. Занималась этой работой всегда в ясный день и порой грелась в лужице пролитого на пол света, свернувшись на ковре как кошка. Свет проходил сквозь оконный проем, образуя на полу неправильный четырехугольник; она старалась уместиться в нем, подтягивая ко-

лени к груди, и представляла себя в маленькой комнате из солнечного света. В безопасной комнатке, где никто и ничто ее не тронет.

В первый раз застав Чарити за этим занятием, мама только посмеялась. Ничего страшного, Чарити и не ожидала, что мама поймет. В конце концов, мама-то ничего не скрывала. Она была красива и привлекала всех мужчин из их дома. Кендрик, сосед сверху, практически переехал к ним. Чарити он не нравился. Он противно смеялся, когда мама над ней подшучивала, и всегда оставлял после себя беспорядок, а Чарити приходилось убирать. Зато ей нравился Ровер Джен-три. Он жил наискосок через холл и преподавал в колледже неподалеку. Шерстяной пиджак, круглые очки и добрые зеленые глаза — Чарити считала его почти идеальным. Однажды Ровер увидел, как она что-то не поняла в книге, и остановился помочь. Но мама его совсем не замечала, даже когда он глядел на нее загадочно, почти как мужчины из мыльных опер. После переезда Кендрика Ровер стал избегать встреч.

Чарити вздохнула и оторвалась от мыльной оперы с мамой в главной роли. Теперь все лето никакого Кендрика. И никакой уборки, только в своей комнате порядок навести и постель заправить. Как ни печально, скучать по маме она не будет. Чарити прогнала прочь эту мысль и подставила лицо навстречу брызгам. В морской воде столько соли, что ее вкус будет чувствоваться на коже рук и ног до самого вечера. Засыпая, Чарити лизнет руку, только чтобы убедиться — она и правда на острове.

Впереди показалась суша. Чарити подалась вперед, ветер подхватил волосы. Солнечные лучи

танцевали на волнах, настолько яркие, что пришлось зажмуриться. Внезапно какое-то сверкающее пятно поднялось над водой и тут же нырнуло обратно, не дав себя разглядеть. Конечно же, эльф! Выскочил из воды на дрожащих крыльях, дразнит... А вот еще один, справа! У Чарити колени подкосились от волнения, сердце бешено стучало, но она широко улыбалась. Эльфы проводили ее до песчаного берега и длинного пирса. Волны набегали на пляж, потом откатывали назад, увлекая за собой ракушки и водоросли. В ритмичном движении волн казалось, будто остров дышит. Глубокий вдох — и прибрежная полоса расширяется, затем медленный выдох — и вода почти поглощает узкий пляж. Живой остров.

Когда судно пришвартовалось, Чарити сбросила свои новые старые босоножки, перепрыгнула на деревянный мостик и, не слушая мамин окрик: «Чарити Монро Бакстер!», — понеслась по пирсу. Она была послушным ребенком, но только не на острове. И хотя голос мамы срывался от негодования, Чарити позволила ветру, волнам и даже выхлопным газам лодочного мотора унести ее призыв прочь. Она стремилась ощутить воду, песок под ногами, колыхание океана.

Добежав до того места, где было совсем мелко, девочка спрыгнула с пирса. Теплая упругая вода доставала до колена, ноги сразу же погрузились в песок. Сейчас она сделает шаг, и под ступнями будто что-то захлюпает. Знакомое ощущение!.. Чарити открыла глаза, увидела маму и отвернулась от нее лицом к острову. Вверху, будто лопасти огромного

вентилятора, покачивались пальмовые листья. У вершины одной из пальм она заметила гроздь кокосовых орехов и подумала, сумеет ли в этот раз забраться по гладкому стволу. Каждый год она пыталась... к восторгу деда. Он смеялся, запрокинув голову и уперев руки в боки, иногда поддерживал, но Чарити выбивалась из сил и соскальзывала, едва вскарабкавшись на несколько футов.

Начинался отлив, и запах гниющей рыбы усилился. Ну и что? Главное — наконец-то она на острове. Вот и наступил один из самых любимых моментов в ее жизни! Как будто она долгие месяцы горела в огне, а теперь обугленная кожа получила шанс на исцеление.

Чарити увидела деда и искала глазами бабушку, но не нашла. Дедушка махал рукой, дочерна загорелой под флоридским солнцем. Девочка помчалась к нему, шлепая по воде так, что на шум можно было привлечь стаю акул, и когда добежала до берега, шорты промокли, а низ футболки был усеян песком, как конфетти.

Мама посмотрела на нее осуждающе, а дедушка сгреб ее в охапку одной рукой и прижал к себе, приговаривая:

— А вот и картошечка приехала, целый мешок! Сейчас мы тебя отнесем домой к бабушке, почистим да и в котелок бросим!

Чарити засмеялась от восторга. Она была уже большая и не верила в такие глупости, но дедушку любила и заколотила кулачками по спине, подыгрывая ему:

— Я не картошечка!

— Неужели? — Дедушка поставил ее перед собой и осмотрел с головы до талии. — Надо же, и правда. В мешке-то лук! Надо подумать, что из тебя приготовить.

— Деда! — Чарити зажмурилась и крепко обхватила старика за шею. От него пахло керосином, которым он заправлял лампу у себя в гончарной мастерской, а еще корицей и чуть-чуть табаком — он уже не первый год бросал курить.

Внезапно его мышцы напряглись. Это приблизилась мама.

— Здравствуй, папа, — сказала она. Чарити уже знала — мама подумывает тут же взять водное такси и умчаться обратно.

— Привет, Эллен, — сухо ответил дедушка. — Всё в порядке?

В маминых глазах промелькнула какая-то мысль:

— Как тебе сказать...

— А девочка похудела. — Он подбросил Чарити на руках.

Мамины глаза обратились в лед:

— Это ей не повредит.

Дедушка оглядел Чарити:

— Как ты питаешься? У вас дома еды достаточно?

Мама не дала ей ответить:

— Арендную плату увеличили. Ты понимаешь, как трудно сводить концы с концами?

— Тебе, Эллен Мари, я денег не дам. Буду посылать продукты для Пуговки.

Теперь мама была готова испепелить его взглядом.

— Нам твои подачки не нужны. И так проживем. Чарити хорошо питается. Она просто вытянулась.

Чарити обняла старика за шею:

— Я ем, когда хочу. Деда, ну правда.

Эллен посмотрела по сторонам:

— А где мама? Даже не удосужилась прийти поглядеться со мной?

— У нее грипп. Лежит в постели. Может быть, согласишься переночевать? Маму это приободрит. Ей бы только взглянуть на тебя.

— А как же я, папа? — ехидно ответила Эллен. — Я могу подхватить вирус. Причем у меня *работа*. Я не могу просто так заболеть и уйти домой. Я не богачка и не на пенсии. — В ее тоне слышалась неприкрытая издевка.

— Ну что ж, вот и попрощались.

Чарити терпеть не могла, когда между мамой и дедушкой в воздухе натягивалась струна. А в бабушкином присутствии было даже хуже. Именно Чарити являлась предметом обсуждения во всех жарких спорах. Она разрушила мамину жизнь самим фактом своего рождения. А у мамы были грандиозные планы: стать для своего поколения новой Мэрилин Монро. За прошедшие пятьдесят лет ни одна женщина не сумела покорить сердца так, как Мэрилин, и мама созрела для этой задачи. Она так и сказала. Бабушка с дедом называли ее дурой и добавили, что Чарити — ее единственная важная задача, и она с ней тоже не справилась... разрушила, так же как разрушила многое другое.

Дедушка взял чемодан, не выпуская Чарити из рук, как будто мама могла передумать и забрать

ее с собой. От этой мысли у Чарити живот свело судорогой, и она еще крепче обхватила старика за шею.

— Я приеду за дочерью в конце августа. — Мама вертела в руках новую сумочку. Чарити не знала, откуда она взялась, но мама сумочкой очень гордилась.

— Мама, я люблю тебя.

Эллен изобразила улыбку и потрепала Чарити по щеке:

— Будь умницей.

— Обещаю.

Дедушка шумно выдохнул. Эллен никогда не говорила Чарити, что любит ее, и ему это не нравилось. А Чарити было плевать. То есть где-то внутри задевало, но мама однажды объяснила, что не все способны выказывать такое чувство. Хотя Кендрику она постоянно говорила о своей любви, и Чарити предположила, что речь о другой любви. За тонкой стенкой, отделявшей комнату Чарити от маминой, это даже *звучало* по-другому.

Дедушка направился по усыпанной песком и ракушечником парковке к своему грузовичку. Он ездил на пикапе, в то время как большинство жителей острова ездили на легковушках. Посмотрел вслед водному такси, в котором удалялась Эллен, помахал рукой какому-то рыбаку и поставил чемодан в кузов.

— Привет, Джордж! — Рыбак опирался на длинную поперечную балку от лодки. — Ну как, обед уже приготовил?

— А ты наткнулся на косяк желтохвостов? — Дедушка закрыл дверцу и пошел к рыбаку на середи-